

Цветыевские традиции Пушкинского музея Ирины Антоновой

В конце мая Государственный музей изобразительных искусств имени Пушкина, расположенный в самом центре Москвы – рядом с Храмом Христа Спасителя, – отметил столетие. А чуть раньше – в марте – 90 лет исполнилось директору прославленного хранилища европейской живописи и скульптуры Ирине Антоновой. Всего за десять лет до ее рождения сбылась мечта основателя и первого директора музея, профессора Московского университета Ивана Цветаева, отца непревзойденной русской поэтессы. Во многом благодаря его стараниям в 1912 году в двух шагах от Кремля был открыт Музей изобразительных искусств. Сегодня в его залах можно полюбоваться полотнами мастеров от Рафаэля до Гойи. В музее хранятся и работы Боттичелли, Рембрандта, ван Дейка, Рубенса, Пуссена, Мурильо, Каналетто.

Младший научный сотрудник Ирина Антонова пришла работать в музей изобразительных искусств весной 1945 года, за месяц до Великой Победы. 16 лет спустя ей предложили пост директора. «Поначалу думала, что долго не задержусь, – вспоминает Ирина Александровна. – Мне нужно много воздуха и пространства, а здесь – каменный мешок. Но жизнь доказала обратное».

Ее первым заданием стало спасение экспонатов музея от снега и дождя. После разрыва бомбы вблизи здания музея была повреждена его сте-

клянная крыша. В результате зимой снег ложился прямо на экспонаты.

СССР был отделен «железным занавесом», и Антонова «дарила» неискушенной публике европейских художников: Леже, Матисса, Пикассо. Молва о смелом директоре Музея имени Пушкина дошла до Парижа, и в 1974 году в российскую столицу приехала дотоле «невъездная» из Лувра «Джоконда».

Вот и теперь в дни столетнего юбилея Пушкинского Ирина Антонова организовала необычную выставку под интригующим названием «Воображаемый музей». На ней рядом с постоянными экспонатами представлены шедевры художников, чьих работ нет в коллекции музея. Так, в Галерее искусства стран Европы и Америки XIX–XX веков можно увидеть картину «Адам и Ева» Густава Климта из Галереи Бельведер, «Обнаженную» Амедео Модильяни из коллекции Галереи Курто, а также «Коричневое и серебряное I» и «Ключ полей» Джексона Поллока и Рене Магритта из собрания Генриха фон Тиссена-Борнемисы. Экспозицию древних цивилизаций дополнила статуя Гудеа из Лувра, мраморная статуя Изиды из Главного управления археологических ценностей Неаполя и Помпей и скульптурный портрет императора Каракаллы. Всего в рамках выставки представлено 46 шедевров из 27 крупнейших мировых музеев и частных коллекций.

Для того чтобы увидеть все эти шедевры, придется обойти все залы и все здания Пушкинского. Дюрер внизу – в зале немецких мастеров, Эль Греко, Веласкес – наверху у испанцев; а чтобы насладиться картинами Магритт, Климта, Модилья-

ни, нужно перейти Малый Знаменский переулок и оказаться в Галерее искусства стран Европы и Америки XIX–XX веков и там полюбоваться «Завтраком на траве» Мане, замереть от вызывающего взгляда Евы с картины Густава Климта, задержаться у полотен Модильяни – «Обнаженная» из Лондона и «Портрет девушки» из Милана. Зал Ван Гога дополнили «Ботинки» – это ранний период, совсем в Пушкинском музее не представленный.

– Мы просили то, чего у нас нет. И размещая в пространстве нашей экспозиции, мы хотим показать, у нас хорошая экспозиция, но посмотрите, а вот этого у нас нет, – объяснила Ирина Антонова. Выставка «Воображаемый музей» работает до конца июля.

«ДЕКАБРЬСКИЕ ВЕЧЕРА» И ДРУГИЕ

Одной из самых главных ее заслуг коллеги Антоновой считают создание фестиваля «Декабрьские вечера Святослава Рихтера», который с 1981 года объединяет разные жанры искусства – музыку, живопись и поэзию. Сама Ирина Антонова о том, как она пришла к своей профессии и почему так часто события в Пушкинском находятся на стыке живописи, музыки и театра, рассказывает:

– Мое детство счастливым не было: отношения между мамой и папой не всегда были безоблачными. Мама была очень добрая, ласковая и самоотверженная. Папа любил музыку. Он приучил меня ходить на премьеры музыкальных произведений. Мы ходили с ним на первое исполнение

квинтета Шостаковича, на премьеру его Пятой симфонии. Любил отец и театр; во все свои походы три раза в неделю минимум – в Художественный, в Камерный, в Малый на «великих старух» Рыжову, Турчанинову, Яблочкину, Пашенную – всегда брал меня с собой, вот я и выросла театральным человеком.

Я так устроена, что все важные события истории страны как бы пропускала через себя.

Но семейная жизнь – это нечто другое. Важна и среда, в которую мы попадаем потом. Я училась в очень хорошей школе, потом в лучшем гуманитарном вузе страны, в ИФЛИ. Правда, проучилась там всего один курс, потому что нас слили с МГУ. Но всё равно это всё еще был ИФЛИ, пусть и в других стенах. И потом, я так устроена, что все важные события истории страны как бы пропускала через себя. Многому меня научил мой муж: он тоже искусствовед, и своим пониманием искусства я во многом обязана ему.

Наконец, жизнь сводила меня со многими выдающимися, уникальными людьми, и некоторые из них тоже оказали на меня большое влияние. Святослав Теофилович Рихтер открыл для меня совершенно новое измерение. Я ходила на его концерты еще в конце 40-х, некоторые из них проходили в нашем музее, но лично познакомилась только в 60-х. В 1981-м это привело к возникновению наших «Декабрьских вечеров». Он блестяще знал живопись, общение с ним обогатило меня.

Я человек социализма, и таковым остаюсь. Идея всеобщего равенства, возникшая еще в раннем христианстве, – великая. И на планете есть примеры экономик, где эта идея в большой мере реализована: в той же Швеции или в Норвегии. Да, «свобода, равенство, братство» – недостижимый идеал, но справедливость – то социальная достижение вполне. И неудивительно, что многие люди говорят об этом. Конечно, наше общество в его нынешнем состоянии – уродливо. Известно, что все переходные экономики проходят через бандитский период «первоначального накопления капитала», что в обозримом прошлом такое было и в США, и в Европе. Плюс избыточность русского характера, это наше «всё или ничего»...

В России традиционно считается хорошим тоном, что люди искусства дистанцируются от власти. Но мне такая манера поведения никогда не была близка.

Когда «новые русские» безобразничают на юге Франции, оставляют огромные деньги, это вызывает там и недоумение, и отвращение. А когда я узнаю об этом от моих французских друзей, это вызывает отвращение и у меня, это нормальная человеческая реакция. Как должен быть устроен более справедливый мир? Наверное, все-таки надо, чтобы люди жили лучше, чтобы они могли зарабатывать, были обеспечены каким-то минимумом. Если мы сами не умеем так устроить – давайте присмотримся, как это сделали другие. Но та система, которая действует сейчас, – она настораживает. И заставляет вспомнить слова Маяковского: «Я с детства жирных привык ненавидеть...».

На вопрос, часто ли она обращается к собственному прошлому, Ирина Александровна отвечает:

– Конечно. Особенно сейчас. Опять остро ощущаю разницу рубежных дат. Молодые люди часто считают стариками тех, кто старше их на десять лет. С ходом жизни эти представления меняются, категоричность исчезает, но сегодня я обнаруживаю, что к девяноста годам стала воспринимать мир по-новому, не так, как даже лет пятнадцать назад. Это правда. Попытаюсь объяснить. Если человек покидает грешную землю лет в семьдесят, это нормально. Мой папа, например, прожил семьдесят два года, а мама ровно сто. Было время заявить о себе, сделать что-то полез-

ное для других. Всё, что сверх семидесяти, вроде бы как премия, бонус. Как распорядиться этим подарком? Лучше с умом. Обязательная программа закончилась, начинается произвольное катание. И тут, знаете, в голову приходят всякие мысли, иногда даже неглупые. Появляется глобальное отношение к проблемам, явлениям, людям.

Отдельная история – масштабная реконструкция ГМИИ. Понимаю, что не дождусь реализации планов создания музейного городка в полном объеме, всё должно быть окончено к 2018 году, но очень хотелось бы, чтобы основной фронт работ выполнили при мне. Рассчитываю, что государство окажет необходимую поддержку. До сих пор было именно так. Проект подкреплен

огромной суммой, которая, если говорить откровенно, появилась во многом благодаря заинтересованному участию в нашем начинании Владимира Путина. В минувшем декабре он приезжал в музей, подчеркнул, что пора переходить от разговоров о реконструкции к делу, и подтвердил: на проект выделено 23 миллиарда рублей, их должно хватить на всё, если деньгами грамотно распорядиться.

ГРАЖДАНКА МИРА, НО ПАТРИОТ – МОСКВЫ

Музейщикам формально запрещено быть коллекционерами, но мечтать ведь не вредно?

Нет-нет! Существует этический кодекс, тут и рассуждать не о чем. Собирачество – это страсть, а чувства контролировать трудно. Легко спутать свое с чужим. Вдруг так захочется, что доводы рассудка не останавливают? И дело необязательно в воровстве. Шел приобретать для музея, а взял для себя, не удержался... Да, у меня есть несколько картин Тышлера, Мессерера, Гуэрры, даже работа Бакста, но это подарки, я ничего не покупала и все завещаю музею...

А как складываются ваши отношения с властью?

Ну да, в России традиционно считается хорошим тоном, что люди искусства дистанцируются

от власти, держатся от нее в сторонке. Но мне такая манера поведения никогда не была близка.

В силу статуса директора государственного музея?

Безотносительно должности. И прежде не молчала, тем более угодливо не поддакивала, если точка зрения руководства не совпадала с моей. Легко отстраниться и потом критиковать чужие шаги, сидя дома на кухне или на лавочке у подъезда. А ты попробуй сказать в глаза! Роль наблюдателя или стороннего комментатора не для меня. Никогда не выступала в таком качестве, всегда была участницей. Начиная со студенческой поры. Иначе неинтересно жить. Это внутренняя позиция, идущая от природного естества. Да, проще уклониться, но так ведь нехорошо, некрасиво. Гораздо честнее говорить, что думаешь. Хотя, конечно, риск есть...

Знаете, меня всю жизнь спасало, что мы работали с ведущими музеями мира и могли позволить себе чуть больше, чем остальные. Нет, не хочу изображать из себя революционерку, на рожон я не лезла, но если был шанс выйти за рамки допустимого, старалась его не упускать. Известна история, как Третьяковская галерея отказалась от выставки «Москва – Париж». Тогдашний директор галереи сказал: «Через мой труп!» Мы не устали дорожку своими или чужими костями, тут же пригласили экспозицию из Центра Помпиду к себе и оказались правы...

Сложно поверить, но в свое время я вызвала неудовольствие начальства тем, что написала отклик на смерть Марка Шагала. Единственная из всех. Мы ведь были знакомы много лет, а впервые встретились в конце шестидесятых в Париже в квартире директора Лувра. Потом я приезжала к Марку Захаровичу в Сен-Поль-де-Ванс. Это городок художников на Лазурном берегу, под Ниццей. Шагала там построили дом с мастерской. Хозяин спустился со второго этажа на специальном лифте, зашел в комнату, где мы сидели с Валентиной, его женой, улыбнулся и с порога спросил: «Я похож на клоуна?». Фраза ошеломила. Пока она не прозвучала, мне не приходило в голову смотреть на Шагала под таким углом зрения, а тут вдруг я подумала: «И вправду похож!». Но вслух говорить этого, ко-

нечно, не стала... Марк Захарович показал картины в мастерской, мы поговорили, как хорошо было бы организовать его выставку в Москве. Увы, до смерти художника мечту осуществить не удалось. В марте 1985 года Шагала не стало... Мне позволили из «Литературной газеты» и спросили, не хочу ли поделиться воспоминаниями. Я согласилась и написала небольшой текст. На следующий день после публикации раздался звонок из Министерства культуры. Вежливо спросили: «Ирина Александровна, это ваша статья? Вы в самом деле думаете, что Шагал русский художник?». Я ответила: «В той же мере, в какой Шаляпин с Рахманиновым. Марк Захарович уехал из России, но не разлюбил родину, всю жизнь рисовал ее». Мой собеседник на другом конце провода секунду помолчал, а потом произнес: «Ладно. Раз так считаете...».

Вы часто в те годы бывали за границей. Никогда не приходила мысль остаться там навсегда?

Раза два мне делали прозрачные намеки: мол, не хотите ли задержаться у нас подольше? Так говорили и в Италии, и во Франции. Нет, для меня это совершенно исключено. Только Россия! С ее pro и contra. Что со всеми, то и со мной. Я укоренена в эту землю, полностью разделяю всё, что ей присуще. Бывает, ругаешься и проклинаешь последними словами, а потом вдруг испытываешь невероятную гордость и подъем... Здесь всё моё – Большой зал консерватории, МХТ, особенно тот, старый, бульвары, Садовое кольцо, даже московский «Спартак», за который мы с мужем болели много лет. Даже в другом городе жить не смогла бы. Москва! Как говорится, приговор окончательный, обжалованию не подлежит...

И НЕМНОГО О СЕБЕ

Вы создали Музей личных коллекций. Как возникла эта идея и кто эти личности, чьи коллекции его составили?

Коллекционеры, как правило, до конца жизни не могут расстаться со своей коллекцией. А Илья Самойлович Зильберштейн был ученый, литературовед, таких коллекционеров единицы. Он видел, как гибнут коллекции, у него в «Литературной газете» и в «Огоньке» была целая серия статей о судьбе коллекций. Мы его очень впечатлили, когда сделали выставку русской части его собрания. Он мне звонил рано утром и дотошно расспрашивал, сколько было посетителей. Интерес публики был бешеный, он его потряс. Тогда и возникла идея с этим музеем. Он отдал 2200 вещей! 200 – западных, остальное – русское искусство. Изумительных. Репин, Бенуа, Коровин, Кустодиев... Его Репина у нас часто запрашивают, мы посылем его на выставки за границу.

У вас есть женские слабости?

Все женщины считают, что им совершенно не в чем выйти, я в этом смысле не исключение... Конечно, бывают ситуации, которые обусловлены

моим положением, когда нужно срочно что-то приобрести. И тогда в выходной я сажусь за руль и кроме супермаркета, где обычно покупаю на неделю продукты, заезжаю куда-то еще. Но это шопинг без фанатизма.

На свой день рождения Ирина Антонова сделала подарок и себе – новую машину. В 90 лет она уверенно чувствует себя за рулем. Каждый день ездит на работу, а по выходным – на рынок за продуктами. Признается, что неаккуратные водители могут услышать от нее совсем не музейные слова.

И ЭТО ВСЁ О НЕЙ

Спецпредставитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству **Михаил Швыдкой**:

– В советское время Ирина Александровна сумела сохранить для широкой публики те великие ценности русской культуры, которые так старательно хотели укоротить и подвергнуть идеологической обработке. Ее дружба с гениями русской культуры была абсолютно на равных и благодаря этому принесла русской культуре немало удивительных и в высшей степени благородных плодов в самые неблагоприятные времена.

Юрий Башмет, музыкант, арт-директор «Декабрьских вечеров»:

– Это великая женщина. На таких людях, как она, Россия стоит. Благодаря ее титаническому труду и самоотверженности духовный уровень не только сохраняется, но и возрастает как минимум в стенах ее музея.

Владимир Васильев, артист балета, балетмейстер, народный артист СССР:

– Для меня этот музей слился с образом Ирины Александровны: очень жесткого человека, несмотря на всё своё женское обаяние и изящную миниатюрность... В этой женщине удивительно

много от сильного волевого мужчины. У нее есть качество, которое очень показательно для профессионалов. Она не терпит равнодушия, безразличия к делу, халатности. И вот это она очень жестко пресекает.

Без малейшей грубости, но предельно жестко. Иногда потом сама мучается, что так поговорила. Знаю Ирину Александровну давно, но совсем недавно, например, я узнал, что Ирина Александровна очень хотела быть танцовщицей, балериной. Но она никогда об этом раньше не рассказывала. А когда в преддверии юбилея ее спросили, кем ей хотелось быть в детстве, она вдруг ответила: «А вообще я хотела быть балериной». Для меня это признание, свидетелем которого я случайно стал, открыло какую-то часть ее души.

Конечно, я видел ее и на оперных спектаклях, и в зале консерватории, в Большом театре... Большой театр был для нее, пожалуй, самым любимым. Собственно, мы и познакомились здесь после одного из спектаклей. Выяснилось, Ирина Александровна знает все наши с Максимовой роли. Она была на всех премьерах. Ей нравилось наше искусство.

И вот что поразительно: с каждым годом она начинает какую-то новую жизнь. Не секрет, что все мы (я не исключение) делаем большую часть открытий в юности, молодости. С годами их становится все меньше и меньше. А когда я разговариваю с Антоновой, то вижу, что ей всё интересно. По крайней мере, из того, что касается искусства. Впечатление такое, что она постоянно открывает для себя что-то новое. И эту радость открытий, что ей доставляют музыка, поэзия, театр, она стремится привнести в родной дом – в Музей изобразительных искусств. Поэтому Декабрьские вечера, рожденные желанием Святослава Теофиловича Рихтера и Ирины Александровны собрать

воедино разные виды искусств, стали неотъемлемой частью жизни музея.

Даже в другом городе жить не смогла бы. Москва! Как говорится, приговор окончательный, обжалованию не подлежит...

Антонова, конечно, человек уникальный. Она, если так можно выразиться, железная леди музея. Точнее, служения музею. А значит – музам.

Стоп-кадр. Ирина Александровна Антонова родилась 20 марта 1922 года в Москве. В 1929 году ее семья переехала в Германию, где Ирина вместе с родителями жила до 1933 года. В годы войны, будучи студенткой ИФЛИ, а затем МГУ, работала медсестрой в госпитале. В 1945 году окончила МГУ, получив специальность искусствоведа, и была приглашена на работу в ГМИИ имени Пушкина. С 1961 года руководит музеем. С 1981 года в ГМИИ проводятся музыкальные «Декабрьские вечера». При Антоновой началось расширение территории музея, учреждены Музей личных коллекций, детский центр «Мусейон», Галерея искусства стран Европы и Америки XIX–XX веков.

Антонова – действительный член Российской академии художеств, академик Российской академии образования, член-корреспондент Королевской академии изящных искусств святого Фердинанда (Мадрид). Заслуженный деятель искусств России. Лауреат Государственной премии России, кавалер орденов Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и «За заслуги перед Отечеством» всех четырех степеней.

Ирина Александровна Антонова и доктор искусствоведения Евсей Иосифович Ротенберг прожили вместе с 1947 года до его кончины в 2011 году. Сын Борис 1954 года рождения.

Андрей Караваев,
специально для «Янтарного моста»